

— Что с театральной труппой? Десять лет назад была труппа Ши, десять лет спустя — Юйтанчунь. Те же самые люди, только вывеска сменилась. Сколько раз они уже обманывали дом маркиза Цзиньяна? Скажу тебе: даже если дом маркиза Цзиньяна простит Юйтанчунь, семья Чжэн этого не делает.

— Но... Даже если Дуань Цзиньтан и был в одной труппе с Ши Юйхун и Сяо Юйлоу, убийство... Эх! Это всё же слишком натянуто.

Старая госпожа дома маркиза Чжуньюна обожала Юйтанчунь, поэтому на каждый свой юбилейный банкет приглашала именно их. Ань Шаохуа и Дуань Цзиньтан виделись несколько раз, но близко не общались. Несколько лет назад, вскоре после свадьбы, Гу Мо даже с энтузиазмом отправился за кулисы и упрямо не хотел уходить. Если бы он в то время не был беременен Цзинхэ, никто бы не смог удержать его от желания выйти на сцену и спеть. Тогда же Ань Шаохуа немного поговорил с Дуань Цзиньтаном. В памяти осталось, что Дуань Цзиньтан, вероятно, из-за того, что часто играл героев, обладал некой внушительной аурой праведности, совсем не похожей на человека, способного убить служанку ради сокрытия следов. Но кто знает, что скрывается за лицом...

— Это не имеет значения. Дело в квартале Фуле с самого начала привлекло большое внимание, и оно связано с делом дома маркиза Цзиньяна. Здесь нельзя просто так отмахнуться, должен же быть убийца. Не может же один из четырех покойников убить служанку, а затем перерезать себе горло! Хотя вор был схвачен на месте преступления, он был из благородного сословия, даже состоял в отдаленном родстве с семьей заместителя министра ритуалов, так что с ним нельзя просто так расправиться. Нужно провести расследование. Но при расследовании выяснилось, что слишком много людей видели его в игорном доме или таверне, так что приходится учитывать репутацию. — Гао Синьли говорил это, поглядывая на дверь, затем наклонился к уху Ань Шаохуа и прошептал:

— Это дело должно быть списано на Дуань Цзиньтана.

— Есть доказательства?

— Какие доказательства! Ты вообще слушал, что я говорил? В ту ночь, когда произошло преступление в усадьбе маркиза Цзиньяна в пригороде, весь личный состав Юйтанчунь, от актеров до учеников, включая даже служанку, которая разжигала огонь, был арестован управой Цзинчжао. Тогда еще не знали, где находится подозреваемый, только то, что это были четверо мужчин. Дуань Цзиньтан — мужчина, к тому же актер, играющий военные роли, поэтому его допрашивали с особой тщательностью. Но Дуань Цзиньтан оказался стойким, предпочел умереть, но не признался. К моменту убийства в квартале Фуле Дуань Цзиньтан уже был на грани смерти, совершенно беспомощным. Посмотри на его отпечатки пальцев. — Гао Синьли перелистал материалы дела и нашел несколько протоколов с подписями и отпечатками пальцев обвиняемых. В протоколе Дуань Цзиньтана были только следы ладони и отпечатки пальцев. Также была приписка, что подозреваемый неграмотен и не может подписать документ, только поставить отпечаток.

— Но... Это не сходится. Дуань Цзиньтана арестовали вечером девятнадцатого числа и подвергли допросу в управе Цзинчжао. Как он мог совершить преступление вечером двадцатого?

— Во-первых, вечером двадцатого числа никто не видел его, нет свидетелей, которые могли бы подтвердить, что он находился где-то кроме места преступления, а значит, нельзя доказать, что его там не было. Во-вторых, его собственные показания подтверждают, что это он

совершил преступление.

— Но... — начал Ань Шаохуа, но сам засмеялся. Люди из управы Цзинчжао не могли сказать, что Дуань Цзиньтан был в управе во время преступления. Так что этот грязный мешок идеально подошел Дуань Цзиньтану.

Перебирая другие протоколы с подписями и отпечатками пальцев, Ань Шаохуа внимательно изучал материалы дела, и чем больше он читал, тем тяжелее становилось у него на сердце. Казалось, что в груди застрял комок невысказанной обиды, который нельзя было ни проглотить, ни выплюнуть.

Продолжая изучать материалы дела, от первоначальных протоколов осмотра места происшествия, протоколов вскрытия, показаний свидетелей и четырех указов о поимке, до вещественных доказательств, показаний, отпечатков пальцев и заключительного обвинительного акта — всё было логично и последовательно. В материалах дела не было ни единого изъяна. Если бы не знали, что Дуань Цзиньтан уже был полумертвым в тюрьме, то, судя по материалам дела, можно было бы подумать, что он совершил преступление прямо на глазах у стражников. Все сомнения были разъяснены, а то, что не поддавалось объяснению, просто не упоминалось.

В конце было предложено наказать главных преступников — Сяо Юйлоу, Дуань Цзиньтана и Ичжичунь — каждого ста ударами плети и казнь через перерубание пополам. Еще семеро сообщников — пятерых казнить, двоих клеймить и сослать на полторы тысячи ли. Остальные двадцать три сообщника, в основном маленькие ученики и слуги Юйтанчунь, если они были из благородного сословия, лишались статуса и продавались казной; если уже были из низшего сословия, отправлялись в армейские бордели или к публичным женщинам. Таким образом, все преступники были наказаны, тридцать три человека были опознаны и временно содержались в тюрьме управы Цзинчжао. Материалы дела в тринадцати томах были отправлены в Палату наказаний для пересмотра.

За исключением стандартных формулировок, заключительный обвинительный акт, аккуратно переплетенный в один том, состоял всего из нескольких предложений.

В материалах дела не было ни единого упоминания о доме маркиза Цзиньяна, только в начале было сказано, что место преступления находилось в усадьбе маркиза Цзиньяна. О семье Чжэн вообще не упоминалось. При вынесении приговора было лишь сказано: «В такой-то год, месяц и день, Сяо Юйлоу, Дуань Цзиньтан и Ичжичунь, наняв убийц, убили восемь человек, а затем убили еще пятерых, чтобы скрыть следы, всего тринадцать жертв. Доказательства неопровержимы, в соответствии с уголовным кодексом Великой Ю, приговорены к казни через перерубание пополам». Возможно, добавили бы еще несколько слов для завершения.

Через несколько лет никто не будет помнить, что когда-то существовал Юйтанчунь, только нынешние популярные женские театральные труппы. И никто не вспомнит Сяо Юйлоу, которая вышла на сцену в одиннадцать лет, исполняла роли воинственных героинь и с гордостью пела: «Одним мечом я могу сразить миллион врагов».

— Это дело... так и решили? — Ань Шаохуа говорил это с трудом, ощущая сухость в горле. Если после всего этого не понять, на кого указывают свыше, то Ань Шаохуа просто зря прожил жизнь.

Как сказал Гао Синьли, это всего лишь несколько актеров и танцовщиц, которых в обычное время могли бы убить за закрытыми дверями без всякого шума. Даже если бы они были

замешаны в делах наследника маркиза Цзинъяна, это был бы всего лишь незаконнорожденный сын. То, что императрица вообще упомянула об этом, уже было их удачей.

Ань Шаохуа чувствовал смешанные эмоции, его раздражение росло. Даже если это всего лишь несколько актеров и танцовщиц, никчемных существ, это не оправдывает такого обращения. Законы страны не должны быть так осквернены. Зная, что настоящий убийца на свободе, но из-за одного слова свыше, из-за того, что семья Чжэн сейчас на пике могущества, они так легко расправляются с жизнями. Ань Шаохуа не мог оставаться равнодушным.

Перелистывая материалы дела, он всё же мог найти некоторые подозрительные моменты, но они не были достаточно серьезными, чтобы пересмотреть дело. Ши Юйхун умерла беременной, и Ань Шаохуа интуитивно чувствовал, что люди из Юйтанчунь не стали бы мстить беременной наложнице. Что касается найма четырех убийц для открытого убийства в усадьбе, это было просто абсурдно. Кроме того, Ань Шаохуа указал на одну страницу в материалах дела: всё указывало на то, что Сяо Юйлоу узнала о местонахождении наложницы только в день преступления в усадьбе маркиза Цзинъяна, но служанка купила Шибийюсян за день до преступления.

Шибийюсян... При этой мысли в голове Ань Шаохуа что-то мелькнуло.

— Господин.

Ань Шаохуа обернулся. Это был Фугуй. Фугуй был слугой, зарегистрированным в Палате наказаний, и мог получить пропуск для входа. Фугуй наклонился к уху Ань Шаохуа и прошептал:

— Господин, только что пришел Хуаньси, кажется, в семье Жуань что-то случилось.

Семья Жуань? Хуаньси?

Ань Шаохуа вспомнил, что утром к нему приходила матушка Юэ'э, прося отпустить Юэ'э в семью Жуань, и он согласился, отправив с ней Хуаньси. Сейчас было только начало часа Обезьяны, так рано вернулись. И еще говорят, что что-то случилось. Нужно вернуться и посмотреть.

Авторские примечания:

«Нью-люй» — термин, означающий публичный дом, своего рода официальных проституток. В некоторые эпохи часть доходов казны поступала именно отсюда. Происхождение этих женщин обычно было связано с родственниками опальных чиновников. Представьте себе: бывшие молодые леди и жены, с нежной кожей, да и ведут себя не по-мещански.

Что касается упомянутого далее «гуаньмай» — казенной продажи, то она отличается от «сымай» — частной продажи. То, что часто встречается в современных исторических романах: когда в волосы втыкают травинку и продают себя сами — это частная продажа. Там можно продаться в пожизненное рабство или заключить контракт на несколько лет (кстати, в некотором смысле это похоже на современные трудовые договоры). Казенная продажа обычно делится на два вида. Первый: родственники опальных чиновников, к приговору часто добавляют «сколько поколений так-то», то есть не только сам человек, но и несколько поколений его детей обязаны быть рабами. Второй: слуги и рабы опального чиновника, их снова продают в слуги.

P.S. В следующей главе появится Гу Мо.

Сначала прочтите этот отрывок! Он очень важен!

<http://bllate.org/book/16674/1529382>